

Модели деструктивных субстантивов русского и итальянского языков

Yuliya Rohava

Belarusian State Pedagogical University, Belarus

Abstract A significant part of the Russian and Italian vocabulary is represented by destructive nominations, the activity of which has grown due to the increase of destructive processes in the life of society. Modern journalism reflects a wide range of social relations: political, economic, cultural, sports, everyday life, etc. This article identifies groups of destructive nominations and demonstrates their realization in Russian and Italian publicism. The article also discusses forward “D (destructive lexical-semantic variant)” → “N (non-destructive lexical-semantic variant)” and inverse “N (non-destructive original lexical-semantic variant)” → “D (destructive derivative lexical-semantic variant)” models.

Keywords Destructive. Discourse. Italian. Lexical-semantic variant. Models. Noun. Russian. Vocabulary

Summary 1 Введение. – 2 Деструктивность как предмет лингвистического исследования. – 3 Деструктивные субстантивные единицы. – 4 Группы деструктивных субстантивов. – 5 Обратная семантическая модель. – 6 Выводы.

Peer review

Submitted 2024-02-02
Accepted 2024-12-20
Published 2025-03-25

Open access

© 2024 Rohava | 4.0

Citation Rohava, Yuliya (2024). “Модели деструктивных субстантивов русского и итальянского языков”. *Balcania et Slavia*, 4(2), 217-236.

1 Введение

Антропоцентрическая направленность лингвистической науки XXI века выявила большой интерес к человеческому фактору в языке и способности посредством языковых средств передавать события из окружающей реальности. В ряду таких событий и явлений бытия человека важное место занимает феномен деструктивности, активно исследующийся в современной лингвистической парадигме с разных позиций, различных методологических подходов.

Понятие *деструктивности* получило широкое распространение в философии, психологии, социологии, этике, лингвистике, в научной и публицистической литературе, средствах массовой информации, стало важной частью лексического состава многих языков. В широком смысле деструкция – это разрушение, уничтожение, нарушение обычной структуры предмета, его целостности, «этот процесс, направленный в сторону превращения сложной структуры в простую, от многообразия к единобразию, от жизни к смерти, аннигиляции» (Фаткуллина 2010, 58). Наиболее важными маркерами деструкции являются такие акциональные действия и состояния, как 'повреждение', 'нарушение', 'отклонение', 'расчленение', 'разрушение', 'смерть', 'уничтожение'.

В последнее время появилось большое число исследований, посвящённых речевой агрессии, которая напрямую связана с деструктивностью. В работах Т. А. Воронцовой, Е. В. Кокориной, Г. А. Копниной, А. П. Сквородникова внимание уделяется анализу разных форм речевой агрессии (Воронцова 2006 (а); Воронцова 2006 (б); Кокорина 1996; Копнина 2017; Сквородников 1997). Актуальность изучения феномена вербальной агрессии учёные связывают прежде всего с «неблагополучным социокультурным положением в современных логосферах, ростом асоциальности, общим снижением уровня речевой культуры, инвективизацией и вульгаризацией речи, пропагандой насилия в средствах массовой информации, существенным ослаблением коммуникативных механизмов, традиционно сдерживающих проявления агрессии слова» (Щербина 2008, 6). По мнению К. Ф. Седова, речевой агрессией считается целенаправленное коммуникативное действие, «ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» (Седов 2003, 200). Я. А. Волкова исследует коммуникативную категорию деструктивности и считает, что эмоции, будучи особой формой отражения и интерпретации действительности, являются пусковым механизмом деструктивности в общении, т. е. его мотивационной основой (Волкова 2014, 14).

Феномен речевой агрессии чаще всего рассматривается в дискурсах СМИ, где представлены такие тактики, как оскорбление, обвинение, угроза, злопожелание, проклятье, призыв, возмущение, колкость (Кулагина 2021, 93; Маевский 2022; Шпомер 2021; Садовников 2022; Шульгина 2021; Юрина 2021).

Е. В. Власова считает, что проявления речевой агрессии неоднородны по мотивации, ситуациям проявления, формам выражения, результатам. В своих исследованиях она рассматривает виды речевой агрессии, выражаемой в форме проклятий, упрёков и насмешек (Власова 2005).

К концепту «угрозы» обращаются К. В. Злоказов и А. Ю. Софронова, считающие, что «угроза рассматривается как осознанное речевое действие автора, нацеленное на деструктивное (манипулятивное) влияние на адресата, сопровождающееся формированием чувства тревоги и страха» (Злоказов, Софронова 2016).

Необходимо отметить, что в последнее время активизировалось исследования деструктивности в сети интернет. Помимо таких субстантивов, как медианасилие, медиаежестокость, медиаагрессия, группу деструктивности пополнили англицизмы селфицид ‘гибель при попытке сделать экстремальное селфи’, троллинг ‘способ проявления различных форм агрессивного, издевательского и оскорбительного поведения и речевой провокации с целью эскалации коммуникативного конфликта’, абьюзить ‘совершать насилие в любом виде с целью подчинения и подавления воли человека (жертвы абьюза)’, бодишейминг ‘публичное осуждение людей за недостатки их внешности; дискриминация тех, кто не вписывается в общепринятые стандарты красоты’, газлайтинг ‘манипуляция, выражаясь в том, что агрессор внушиает жертвам искажённое видение ситуации и представление о себе самой’, сталкинг ‘поиски, подразумевающие преследование; передвижение крадучись’, хейзинг ‘одна из разновидностей психологического и физического насилия, недоброжелательность, проявляемая в виде публичных унизительных оскорблений’, виктимблейминг ‘психологическое разрушение и тирания, перекладывание вины и ответственности за насилие на жертву’, буллинг ‘агрессивное преследование одного из членов коллектива (особенно коллектива школьников и студентов) со стороны остальных членов коллектива или его части’, груминг ‘установление взрослыми дружеских отношений с несовершеннолетними через интернет для вступления с ними в интимную связь, получение фотографий различного характера, запугивания и шантажа’, моббинг ‘грубость, нападение стаей, травля’, ‘форма психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе с целью его последующего увольнения’.

2 Деструктивность как предмет лингвистического исследования

Понятие *деструктивности* практически во всех словарях определяется как нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо, изменение, деформация каких-либо объектов. В «Психологическом словаре» Р. С. Немова указывается, что деструктивные действия могут быть направлены на человека: «характеристика поведения и черта личности, которая проявляется в её стремлении к разрушению того, что создано в обществе другими людьми» (Немов 2007, 111). В «Интерактивном словаре итальянского языка» Гарзанти деструктивность определяется как способность к уничтожению, отсутствие конструктивного вклада (Garzanti 1999). В «Словаре итальянского языка» Н. Зингарелли деструкция – это характеристика того, что разрушительно; это агрессия, направленная на уничтожение чего-либо или кого-либо, которая не осуществляется для защиты себя (Zingarelli 2007). В «Итальянской энциклопедии наук, литературы и искусств» Треккани деструкция понимается как «свойство быть разрушительным, разрушительная сила» (Treccani).

Категория деструктивности привлекала и привлекает внимание многих исследователей. Сам термин *деструктивность* привнесён в лингвистику из сферы философских и естественных наук и впервые использован Ю. В. Фоменко (Фоменко 1975, 23-25).

В связи с тем, что основным и наиболее ярким репрезентатором категории деструктивности в языке является глагол, большинство научных исследований выполнено в русле вербальных номинаций.

Ф. Г. Фаткуллина в диссертации «Категория деструктивности в современном русском языке» выявляет онтологические признаки членения (изменения) действительности, описывает способы выражения концепта *деструктивность* на разных уровнях языка (лексическом, морфологическом, синтаксическом), осуществляет многомерное описание единиц с деструктивной семой. Автор отмечает, что глагол наиболее приспособлен для номинирования деструктивной ситуации и является ядром категории деструктивности, в периферийную часть которого включаются слова других частей речи (Фаткуллина 2002, 6-10, 80).

Э. Х. Суванова предпринимает попытку объединения в лексико-семантические группы разрушения 26 русских глаголов, которые выделяются на основе категориально-грамматической и категориально-лексической сем, составляющих семантическую структуру данных глаголов (Суванова 1985).

На тесную связь глаголов пейоративной семантики со сферами «уничтожение» и «повреждение» обращает внимание Т. А. Потапенко (Потапенко 1978). В одной из своих ранних статей автор

даёт определение деструктивным глаголам, понимая под последними глаголы, обозначающие такое воздействие на объект, в результате которого «нарушается структурная целостность объекта на макро- или микроуровне, и он не может выполнять ранее присущих ему функций» (Потапенко 1983, 50).

В диссертационном исследовании Ф. К. Бураихи рассматриваются системные и функциональные характеристики моносемантических и полисемантических деструктивных глаголов русского языка (Бураихи 2011).

И.В. Ивлиев ставит целью диссертации «выявить описание значений лексем со значением ' лишить жизни' через создание единообразных толкований таким образом, чтобы каждое толкование включало в себя наряду с общей, объединяющей все эти лексемы частью, те строго индивидуальные элементы значения, которые позволили бы безошибочно отличить её от других, сходных по смыслу лексем» (Ивлиев 1998, 6).

В белорусском языкоznании проблемами деструктивной семантики занимается В.Д. Стариценок. В его работах рассматриваются модели глагольной и именной семантической деривации, содержащие в исходной понятийной зоне деструктивную семантику, которая экстраполируется в реципиентную метафорическую область в виде различных аспектов экзистенциальной, социальной, межличностной, эмоционально-психологической, метеорологической, колоративной и многих других сфер (Стариценок 2022 (а)).

Работы некоторых лингвистов ориентированы на установление специфики деструктивных лексических единиц в профессиональном дискурсе. Так, Е. Г. Усик указывает на важную роль деструктивных глаголов (разрушения, разделения, отделения и т.п.), а также коррелятивных отглагольных существительных в языке экономики (Усик 2009, 25). Прагматику глаголов разрушения и созидания в дискурсе медицинской рекламы рассматривает Г.Т. Каримова (Каримова 2011, 212-216).

Таким образом, несмотря на, казалось бы, большое число исследовательских изысканий в области деструктивности, до настоящего времени всесторонне не рассмотрены способы и механизмы формирования вторичных лексико-семантических вариантов именных и глагольных лексических единиц, не выявлены реципиентные семантические сферы и специфика их соотнесённости с исходными деструктивными сферами, не рассматривался вопрос о прямых и обратимых семантических моделях семантической деривации.

3 Деструктивные субстантивные единицы

Понятие деструкции может быть эксплицировано не только как процессуальный временной предикат, но и как вневременной субстантивный предикат, представленный в семантике существительных. Тут денотативная сема 'деструкция' сочетается с категориально-грамматической семой 'предметность', в результате чего деструктивная ситуация характеризуется опредмеченным маркером (Фаткуллина 2010, 62-64).

Существительные со значением разрушения широко используются в русском и итальянском языках с инвариантным значением 'нарушение или разрушение нормальной структуры чего-либо', 'расчленение, уничтожение, изменение, деформация любых объектов', 'изменение структуры чего-либо под действием различных сил (механических, физических и т. д.)', 'разрушение объекта под воздействием температуры, химических и мицробиологических реакций' и т.д.

Классификация субстантивов, выражающих различные по семантике деструктивные понятия, осуществляется по следующим семантическим показателям:

- а) деструктивные и разрушительные действия, процессы;
- б) участники (исполнители) таких процессов;
- в) средства (приспособления, устройства), при помощи которых осуществляются деструктивные процессы;
- г) результаты разрушительных действий;
- д) место осуществления деструктивных действий (Стариченок 2002 (б), 94-96).

Во всех этих группах наблюдаются процессы семантической деривации, когда основанием для метафорического переноса является первичный деструктивный лексико-семантический вариант, смысл которого трансформируется во вторичной реципиентной сфере. Развитие семантики в этом случае осуществляется по модели «D (деструктивный лексико-семантический вариант)» → «N (недеструктивный лексико-семантический вариант)». Необходимо учитывать тот факт, что при формировании вторичных лексико-семантических вариантов могут актуализироваться различные сходства, аналогии, ассоциативные связи и образные представления, позволяющие закреплять за исходной и итоговой сферами несколько различных связей, «от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества» (Баранов 2003, 77).

Тематика газетных публикаций, безусловно, зависит от экстралингвистической ситуации и связана с происходящими в обществе процессами (Рогова 2022, 79). Примеры употребления деструктивных номинаций для статьи были выявлены на

страницах Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также изательского дома «Беларусь сегодня» (Издательский дом «Беларусь сегодня») и итальянской газеты «La Repubblica» (La Repubblica), которые являются динамичными, современными газетами, ресурсами. (Рогова 2021, 230). Значения слов рассмотрены при помощи «Словаря русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой (Евгеньева 1999) и «Il dizionario della lingua italiana» Де Мауро (De Mauro 2000).

4 Группы деструктивных субстантивов

В русском и итальянском языках семантика действия по глаголу, процессу, состоянию выражается, как правило, отглагольными существительными, которые репрезентируют ситуацию разрушения «объектно»:

рус. *обвал* 'падение большой оторвавшейся от чего-либо массы; груда камней, земли, лавина снега, обрушившаяся с гор'. В американском городе Коламбус, столице штата Огайо, более 30 человек пострадали в результате *обвала* крыши во время студенческой вечеринки. (Издательский дом «Беларусь сегодня» 30.04.2023); В Татарстане из-за *обвала* грунта на строительстве дороги погиб гражданин Беларусь. (Издательский дом «Беларусь сегодня» 29.08.2023). Оба примера демонстрируют деструктивный результат (30 человек пострадали, погиб гражданин Беларусь), который вызван обвалом крыши/грунта (деструктивным процессом). В публицистическом дискурсе существительное развивает новое значение → 'экономическое ухудшение ситуации': В результате *обвала* экономик и краха промышленности в Союзном государстве не произошло. (Издательский дом «Беларусь сегодня», 12.05.2023); Итоги пяти месяцев показывают, что зарплата значительно выросла и не произошло *обвала* доходов. (Издательский дом «Беларусь сегодня», 20.06.2023); *Обвала* экономики и краха промышленности не произошло. (Издательский дом «Беларусь сегодня» 17.08.2023). Неоднократное употребление номинатива *обвал* в сочетании с субстантивом *экономика* демонстрирует яркую реализацию вторичного значения (*обвал*) в публицистическом дискурсе.

Итал. *crollo* 'caduta improvvisa e rovinosa; forte scossa, scrollone' – 'внезапное и разрушительное падение; сильное встряхивание, тряска' → 'crisi di stanchezza, cedimento psicologico; di ideali, sentimenti' – 'кризис усталости, ухудшение психологического состояния; об идеалах, чувствах'; → 'disastro economico,

politico; di prezzi, quotazioni e sim.' - 'экономическая, политическая катастрофа (цен, котировок и подбн.): Stefano Massini scrive la storia della famiglia della più grande banca d'affari americana, un racconto lungo ben 160 anni, dall'arrivo negli Stati Uniti al **crollo** finanziario del 2008. (La Repubblica 14.06.2022). - Стефано Массини пишет историю семьи крупнейшего американского коммерческого банка, рассказ длиной в 160 лет, от прибытия в США до финансового **обвала** 2008 года. Несмотря на то, что одно из вторичных значений итальянского субстантива схоже со значением русского существительного, в итальянском словаре зафиксировано большее количество вторичных лексико-семантических вариантов, при котором объём значений сравниваемых слов не совпадает.

Интересная ситуация наблюдается в номинативной паре *кораблекрушение* – *naufragio*. В русском языке номинатив является моносемантическим и имеет значение 'тибель корабля в море (в бурю, при сильном повреждении и так далее)'. В итальянском языке субстантив *naufragio* в первичном значении относится к крушению корабля и авариям, в результате которых самолёт падает в море, но также развивает и вторичные значения → 'totale fallimento di un'impresa, un'iniziativa' – 'полный провал предприятия, инициативы'; → 'secondo lo psicologo e filosofo K. Jaspers, l'impossibilità dell'essere umano di superare alcune situazioni limite come, ad es., la morte' – 'по мнению психолога и философа К. Ясперса, невозможность человека преодолеть некоторые пограничные ситуации, такие как, например, смерть'.

Одну из групп, в которые могут быть объединены деструктивные номинации русского и итальянского языков, образуют существительные, которые выступают в значении реальных или возможных исполнителей (участников, актантов) действий и ситуаций. В этой группе выделяются имена лиц с сильной уничижительной коннотацией:

рус. *оккупант* ' тот, кто участвует в оккупации': Деревня Асташево была сожжена **оккупантами** вместе с жителями. (Издательский дом «Беларусь сегодня» 12.02.2023);

итал. *occupante* 'chi occupa un luogo, un territorio, un edificio, spec. per motivi politici o sociali' – 'кто занимает место, территорию, здание, особ. по политическим или социальным причинам': ***L'occupante*** ha attaccato il centro regionale con dei missili. (La Repubblica 06. 10. 2022). - **Оккупант** обстрелял райцентр ракетами. Беспрепятственность и агрессивность в сторону обычных людей описывают авторы статей, указывая, что жилые места были сожжены и обстреляны.

В значении ' тот, кто охотится ' и ' тот, кто угнетает ', схожи существительные *хищник* ' *predatore* ' и *угнетатель* ' *oppressore* ': *Un predatore che si aggirava in scooter a caccia di donne sole in bicicletta, avvicinandole e toccando loro il seno.* (La Repubblica 18. 08. 2022). – **Хищник**, который разъезжал на скутере, гонялся за одинокими женщинами на велосипеде, приближаясь к ним и касаясь их груди. В предложении мужчина назван хищником, поскольку он преследует людей и позволяет себе телесный контакт, который, в данном случае, недопустим.

Автор предложения Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских *угнетателей* является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помочь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. (Издательский дом «Беларусь сегодня» 22. 06. 2022) использует существительное *угнетатель* с целью передачи действий и влияния, которое оказывали фашисты на многие страны.

В «деструктивный» корпус также включается группа названий оружия и орудий, которые непосредственно связаны с деструктивными действиями и процессами. Выделяется несколько подгрупп данной тематической области.

1. Субстантивы со значением оружия и вооружения: существительные *оружие* – *arma* в русском и итальянском языках развиваются по аналогичной семантической модели: 'орудие для нападения или защиты' → 'средство, способ для достижения, осуществления чего-либо': *Однако теперь мы все столкнулись с условиями передела мира, где ложьёещё стала информацией психологического оружия.* (Издательский дом «Беларусь сегодня» 26.09.2022); Кроме того, *атакам информационно-психологического оружия* подвергается само население страны агрессора с целью получения общественного одобрения совершаемых действий. (Издательский дом «Беларусь сегодня», 11.05.2023); *Un docente di Storia e filosofia insiste sul vaccino: "Questa è la nostra arma migliore".* (La Repubblica 13.09.2021). – Преподаватель истории и философии настаивает на вакцине: «Это наше лучшее *оружие*». В привычном человеку значении номинатив *оружие* употребляется в боевой, военной сферах, однако и белорусская, и итальянская газеты широко показывают возможность вторичного значения распространяться на психологическую, информационную, медицинскую и другие сферы. Образование некоторых вторичных лексико-семантических вариантов основывается на признаке скорости, стремительности. Похожий процесс семантической деривации наблюдается у субстантива *автомат* 'ручное автоматическое скорострельное оружие', вторичный лексико-семантический вариант

которого в русском языке характеризует человека, действующего быстро и оперативно по выработанному шаблону, в итальянском языке (*mitragliatrice*) – ‘человека, который говорит или действует без прерывания’: *Специалисты, которые давно у нас трудятся, могут на **автомате** работать быстрее, и при этом качество от этого не страдает.* (Издательский дом «Беларусь сегодня» 10.09.2022); *Canta bene, scrive bene e quando mette il turbo il suo rap è veloce come una **mitragliatrice**.* (La Repubblica, 01.05.2021). – Он хорошо поёт, хорошо пишет, и, когда он включает турбо, его рэп быстр как **пулемёт**.

2. Субстантивы со значением снарядов и взрывчатых веществ характеризуются способностью к семантической деривации и образованию вторичных недеструктивных лексико-семантических вариантов. Существительные **снаряд** – *proiettile* не характеризуются семантической тождественностью вторичных лексико-семантических вариантов: ‘вид боеприпасов для стрельбы из орудий, миномётов, реактивной артиллерии’ → ‘предмет, устройство для спортивных упражнений’: *Говорили о высочайших результатах в мужском метании копья, где **снаряд** улетал за 90 метров.* (Издательский дом «Беларусь сегодня» 12.09.2019). В итальянском языке ‘человек, который делает очень беглые и быстрые движения’: *Wijnaldum arriva sul pallone come un **proiettile** e sorprende Stegen.* (La Repubblica 07.05.2019) – Вейналдум бьёт по мячу как **снаряд** [пуля] и удивляет Стегена. В соотносительной паре **динамит** – *dynamite* русский субстантив является моносемантическим, итальянский – полисемантическим: ‘взрывчатое вещество’ → ‘то, что провоцирует сенсацию’: *Quest’ultimo episodio esplode come una **dynamite** verso il termine di quella che pare una sinfonia a più voci.* (La Repubblica 28.04.2005). – Этот последний эпизод взрывается, как **динамит**, к концу того, что кажется симфонией с несколькими голосами; → ‘очень крепкий ликёр, острые пищи или специи’: *Fai attenzione, questo whisky, è **dynamite!*** – Будьте осторожны, это виски – **динамит!** (De Mauro). Как известно, динамит используется для осуществления взрыва, который характеризуется внезапностью, быстротой, мощностью, силой. За счёт этих параметров динамит сравнивается с алкогольным напитком, который обладает сильными вкусовыми качествами, и эпизодом, который появляется внезапно и быстро.
3. В группу существительных со значением холодного оружия включаются субстантивы **штык** (итал. *baionetta*) ‘холодное колющее оружие в виде большого ножа’, **сабля**

(итал. *sciabola*) ‘холодное колющее оружие с изогнутым лезвием’, *шпага* (итал. *spada*) ‘холодное колющее оружие с узким длинным лезвием’ и др. Например, в номинативных парах *штык* – *baionetta*, *сабля* – *sciabola* моносемантическими являются номинации *сабля* и *baionetta*, в то время как две других номинации развиваются вторичные значения: *штык* → ‘слой земли в глубину, который можно захватить лопатой’, *sciabola* → ‘одна из трёх специальностей фехтования’.

4. Субстантивы со значением орудий труда и инструментов представлены номинациями *топор* (итал. *scure*) ‘устройство в виде клина, установленного на топоре с лезвием с одной стороны и обухом с другой’, *нож* (итал. *coltello*) ‘режущее приспособление, состоящее из ножа и ручки’, *пила* (итал. *sega*) ‘инструмент с острыми зубьями для резки дерева’, *хлыст* (итал. *scudiscio*) ‘тонкий и гибкий прут; плеть’, *плеть* (итал. *frusta*) ‘кнут из перевитых ремней или веревок; наказание ударами такого кнута’ и др. К примеру, в паре существительных *хлыст* – *scudiscio* итальянский номинатив является моносемантическим, русский развивает значение ‘цельный ствол поваленного дерева с вершиной, очищенный от сучьев’.

Немногочисленной является локативная группа со значением места, где осуществлялись деструктивные факты, события, ситуации: рус. *эшафот* (итал. *patibolo*) ‘помост для совершения смертной казни или для приведения в исполнение публичных наказаний’, *бойня* (итал. *macello*) ‘место (обычно здание) для убоя скота, скотобойня’, *Голгофа* (итал. *Golgota*) ‘холм около Иерусалима, на котором по христианскому преданию был распят Иисус Христос’, *плаха* (итал. *cerro*) ‘обрубок дерева, на котором отсекали голову казненного, а также помост, на котором совершалась казнь’, *ад* (итал. *inferno*) ‘место, где души умерших «грешников» подвергаются вечным мукам’.

Например, понятия *Голгофа* ‘*Golgota*’ схожи в значении ‘название места распятия Иисуса Христа, «место черепа» // место тяжких мучений, испытаний’. Путь на **Голгофу** проходил от школы, возле церкви и сворачивал на проселочную дорогу к лесу. Там людей раздевали до нижнего белья, снимали обувь и заставляли прыгать в яму, где из винтовок убивали. (Издательский дом «Беларусь сегодня» 02. 03. 2021). Субстантив Голгофа именует место, где издевались над людьми, которых после убивали.

В итальянском языке находим пример религиозной тематики, который затрагивает тему бытия, подчёркивает важность традиций. В Италии, начиная с декабря, люди готовятся к главным торжествам года – Непорочному зачатию Пресвятой Девы Марии

и Рождеству. В эти дни дома, улицы Италии украшает композиция Презепе (вертеп), символизирующая рождение Спасителя и состоящая из фигурок животных, людей, архитектуры и пейзажей. Сама статья посвящена тому, что несмотря на то, что весь мир объят злостью и несправедливостью, полон деструктивности, где *una ragazza viene uccisa dai propri genitori perché voleva sposare il ragazzo che amava e non chi le imponevano.* (La Repubblica 21.12.2022). – Девушка убита своими родителями, потому что она хотела выйти замуж за парня, которого любила, а не за того, кого они навязывали ей, где *milioni di profughi costretti a vivere senza elettricità, acqua e tutto il resto.* (La Repubblica 21.12.2022). – Миллионы беженцев вынуждены жить без электричества, воды и всего остального, человек не теряет надежды на лучшее будущее. Автор говорит о том, что Бог продолжает спускаться к людям на землю, зная, что место его распятия уже заготовлено: *Sono più di duemila anni che il nostro Dio ritorna nonostante sappia che è già è pronta per lui una croce sul Golgota* (La Repubblica 21.12.2022). – Уже более двух тысяч лет наш Бог возвращаетсya, несмотря на то, что знает, что для него уже готов крест на **Голгофе**.

В синонимической группе субстантивов со значением результатов деструктивной деятельности *руина* – *rovina*, *развалина* – *ruina* первичные лексико-семантические варианты соотносятся с остатками разрушенного строения, развалинами какого-либо сооружения. Вторичные лексико-семантические варианты указывают на то, что осталось, уцелело от чего-либо исчезнувшего, ушедшего, потерю престижа, авторитета, спад экономики и пр.: **Развалины** старого света, **развалины** прежней славы, экономика превращается в **руины**. (Издательский дом «Беларусь сегодня»); *Una malattia grave poteva causare la rovina di un'intera famiglia.* (La Repubblica 03.03.2021). – Тяжёлая болезнь могла стать причиной **руин** [смерти] всей семьи; *La sofferenza della malattia, la paura per i propri familiari e i propri amici, a cui si aggiunge in tanti casi il dolore per la perdita di persone care e la preoccupazione per la rovina economica di famiglie e imprese.* (La Repubblica 24.10.2020). – Страдание от болезни, страх за членов семьи и друзей, к которому во многих случаях добавляется боль из-за потери близких и озабоченность экономической **руиной** [разорением] семей и предприятий. В публицистических примерах описаны отрицательные итоги, плохие окончания, результаты того, что было раньше. В итальянском языке номинатив может употребляться с целью описания смерти, а также затрагивать материальное положение людей.

Кроме того, у существительных фиксируется персонифицированный лексико-семантический вариант 'слабый, немощный, одряхлевший от старости человек'. В данном случае

существительные описывают немощность, слабость человека, которые приходят или могут прийти к нему с возрастом: *Без движения человек – развалина, он жалок и несчастен.* (НКРЯ); *А потом оглянулся – и вижу, что я уже развалина...* (НКРЯ); *У меня живёт теперь страшная руина – бывшая наша изящная и премная Александра Петровна Тютчева.* (НКРЯ); В русском и итальянском предложениях *Она была далеко не развалина, а еще хоть куда!* (НКРЯ); *Però non sono un rudere: sto al passo coi tempi.* (La Repubblica 13.04.2023). – Но я не развалина: я иду в ногу со временем нейтрализуется вторичное значение существительных за счёт использования выражений *а ещё хоть куда и идти в ногу со временем*, которые показывают силы и возможности, имеющиеся у человека, а также его стремление соответствовать сегодняшнему дню.

5 Обратная семантическая модель

В корпусе деструктивных номинаций выделяются два основных разряда лексических единиц. В первом представлены глагольные и именные лексико-грамматические разряды слов с первичной деструктивной семантикой. Первичные лексико-семантические варианты в таких номинациях экстраполируют определённую часть деструктивной семантики на недеструктивные обозначения явлений и фактов окружающей действительности (сфера социальных, межличностных и экономических отношений, экзистенциальной реальности, физического и психического состояния человека и мн. др.). В таких случаях деструктивный континуум демонстрирует свой широкий семантический потенциал и возможность свободного выхода из деструктивности в другие области и сферы, где многочисленные вторичные лексико-семантические варианты образуются по прямой модели «D (деструктивный лексико-семантический вариант) → N (недеструктивный лексико-семантический вариант)». Такая модель как когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей может считаться схемой формирования метафорического значения, которая характеризуется разной соотнесённостью первичных и вторичных лексико-семантических вариантов.

Несмотря на стабильность и постоянство деструктивного континуума, в нём наблюдаются качественные и количественные изменения, связанные с незначительным увеличением метафорических лексико-семантических вариантов, образованных от недеструктивных значений глагольных и субстантивных единиц других тематических групп. Такие вторичные деструктивные лексико-семантические варианты являются результатом

семантической деривации, представленной обратными семантическими моделями (Алешина 2003, 74).

Обратная семантическая модель «N → D» («недеструктивный исходный лексико-семантический вариант → деструктивный производный лексико-семантический вариант») в соотношении с прямой моделью «D → N» характеризуется небольшим разнообразием частных подмоделей, ограниченным числом вторичных лексико-семантических вариантов, что свидетельствует о функционально-семантической асимметрии, непропорциональном соотношении результатов прямой и обратной моделей. Поэтому приток вторичных лексико-семантических вариантов в корпус деструктивных номинаций является малопродуктивным, нерегулярным, а сами лексико-семантические варианты представлены незначительным числом образований.

Источником метафорической экспансии среди субстантивов являются наименования предметов быта. Так, вторичные лексико-семантические варианты субстантивов *мешок*, *котёл*, *клещи* указывают на полное окружение воинской группировки, захват противника: *мешок* ‘сделанное из мягкого материала вместилище для чего-нибудь сыпучего, для различных мелких предметов’ → ‘окружение вражескими войсками’, *котёл* ‘металлический соус округлой формы для варки пищи, нагревания воды и т.п.’ → ‘окружение больших групп войск противника’, *клещи* ‘металлический инструмент в виде щипцов’ → ‘охват противника с двух сторон’: *Из окружения демянского мешка немцы-таки вышли.* (НКРЯ); *Наша батарея попала в мешок, в окружение.* (НКРЯ); *Потом, когда стали обрисовываться контуры Уманского котла, русские войска были остановлены.* (НКРЯ); *Попал немедленно в клещи вместе со своим штабом.* (НКРЯ).

В итальянском языке у существительных *calderone* ‘большой котёл’, *pinza* ‘клещи’ подобные вторичные деструктивные значения не развились, однако в значении ‘пространство, в котором вражеская армия окружена обходным манёвром’ используется вторичное значение существительного *sacca* ‘сумка’: *Sembra che l'Isis voglia trasferire tutte le sue migliori forze in Siria, distruggere la sacca di Deir ez-Zour e trincerarsi in un triangolo fortificato fra le città di Raqqa, Palmira e Abu Kamal.* (La Repubblica, 18.01.2017).

- Похоже, ИГИЛ хочет перебросить в Сирию все свои лучшие силы, уничтожить сумку [котёл] Дейр-эз-Зор и закрепиться в укреплённом треугольнике между городами Ракка, Пальмира и Абу-Камаль. Несколько иную смысловую соотнесённость имеет итал. *sacco* ‘мешок’, употребляющийся в значении ‘разграбление’: *Il sacco di Roma.* (De Mauro) - **Мешок** [разграбление] Рима.

Медицинский термин *операция* и его итальянский аналог *operazione* прочно вошли в лексический состав двух языков со значением ‘совокупность боевых действий, объединённых одной

целью, одним заданием': Это была последняя наступательная **операция** фашистов на Западе. (НКРЯ); Высадка в Нормандии – крупнейшая десантная **операция** Второй мировой войны. (НКРЯ); Участие Италии в испанских событиях не ограничивалось одними военными **операциями**. (НКРЯ); *Operazione navale, aerea, operazione difensiva, offensive.* (De Mauro). – **Операция** военно-морская, воздушная, **операция** оборонительная, наступательная. Как видно, обратная модель реализована как в русском, так и итальянском языках, когда недеструктивное существительное медицинской сферы развивает вторичные значения деструктивной военной сферы.

Вторичный деструктивный лексико-семантический вариант итал. *manovra* 'тактическое или стратегическое перемещение воинской части в ходе наступательных или оборонительных действий' образовался по обратной семантической модели от первичного лексико-семантического варианта 'набор операций, необходимых для запуска машины или устройства в действие': *Taiwan, la Cina accerchia l'isola con una maxi-manovra militare: impegnati 71 aerei e 9 navi.* (La Repubblica 04.04.2023). – Тайвань, Китай окружает остров максимальным военным **манёвром**: задействованы 71 самолёт и 9 кораблей.

В реципиентную сферу обратных семантических моделей часто включается понятие *смерть*, которое отождествляется с событиями и фактами завершающего характера: заключительной частью музыкальных, оперных и литературных произведений, спортивных соревнований (эпилог, финал, финиш): *Трагический эпилог* жизни Пушкина – такова главная тема исторического романа. (НКРЯ); Даже самый печальный и неуклюжий **финал** проходит жизни лучше, чем жизнь банально непрояснутая. (НКРЯ); Жизнь имеет свой **финиш**. (НКРЯ); Эти дни будут самыми яркими и, пожалуй, самыми счастливыми в моей сложной, теперь уже приближающейся к **финишу** жизни? (НКРЯ). В итальянском языке существительные *epilogo* 'эпилог', *finale* 'финал' в деструктивном значении не используются, а существительное *traguardo* 'финиш' может развивать вторичный деструктивный лексико-семантический вариант 'приспособление для прицеливания огнестрельного оружия'.

В парадигму обратных семантических моделей активно включаются метеорологические термины, в семантике которых актуализируются такие маркеры, как сила, порывистость, разрушительность, стремительность, интенсивность проявления природных действий. Смыслоное тождество реципиентных сфер наблюдается у номинаций *шквал* – *raffica*, 'сильная массированная стрельба из орудий, пулемётов, артиллерийских снарядов', буря – *bufera* 'события разрушительного характера': Они обрушили на позиции десантников **шквал** огня из миномётов и

гранатомётов. (НКРЯ); Артиллерийский **шквал** уже схлынул. (НКРЯ); Грязнула **буря** Отечественной войны. (НКРЯ); *Si udivano raffiche di mitra, una raffica di fucileria.* (De Mauro). – Слышались автоматные **шквалы**, оружейный **шквал** [залп]; *La bufera della guerra civile.* (De Mauro). – **Буря** гражданской войны. В русском языке, как и в итальянском, в процесс семантической деривации также включаются субстантивы ураган, смерч: *На мирно спящий дом обрушился ураган* огня, дыма, пыли, гари, осколков. (НКРЯ); *Раздались выстрелы, и опять разразился ураган* курсантского огня. (НКРЯ); *Пулемётный огонь смешивался с ураганом* дальнобойных снарядов. (НКРЯ); Человек, попавший в **смерч** огня и со свистом несущихся камней, умирает мгновенно. (НКРЯ). В итальянском языке существительное *uragano* 'ураган' может обозначать как 'большой шум, гул', так и 'чрезмерно возбуждённого, беспокойного человека': – *L'oratore ha appena finito il suo discorso, che viene sommerso da un uragano di applausi.* (La Repubblica 28.09.2011). – Оратор только что закончил свою речь, которую охватил **ураган** аплодисментов; *Leon ha da poco festeggiato i suoi due anni ed è un vero uragano.* (La Repubblica). – Леон недавно отпраздновал свои два года, и он настоящий **ураган** [активный ребёнок].

6 Выводы

Таким образом, межъязыковые сходства и различия в деструктивном континууме русского и итальянского языков рельефно выделяются в субстантивных номинативных единицах и обусловлены рядом факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Деструктивные существительные русского и итальянского языков могут быть объединены по проанализированным группам, однако количество групп может быть увеличено в связи с выявлением других номинаций пейоративного характера. Для освещения деструктивных событий 21 века, публицистические дискурсы обоих языков (русского и итальянского) широко используют пейоративные существительные, чем не только более подробно описывают происходящее, но и вызывают у читателя ещё больший интерес к освещаемым событиям. Соотношение прямой и обратной моделей носит непропорциональный, асимметрический характер, заключающийся в превалировании вторичных номинаций, образованных по прямой модели. Небольшое число обратных семантических моделей подтверждает тот факт, что деструктивная лексико-тематическая группа является практически закрытой и не допускает активного включения в свой состав лексических единиц из других тематических групп.

Литература

- Алешина, О.Н. (2003). *Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка)*. Дис. ... д-ра филол. наук, Новосибирск, 367 с.
- Баранов, А.Н. (2003). *О типах сочетаемости метафорических моделей*. Вопросы языкоznания, 2, 73-94.
- Бураихи, Ф.К. (2011). *Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке: системные и функциональные характеристики*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 23 с.
- Власова, Е.В. (2005). *Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX в.)*: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Саратов, 219 л.
- Волкова, Я.А. (2014). *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 46 с.
- Воронцова, Т.А. (2006а). *Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме*. Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация, 1, 83-6.
- Воронцова, Т.А. (2006б). *Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство*. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 256 с.
- Евгеньева, А.П. (1999). *Словарь русского языка*: В 4-х т., РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 2985 с.
- Злокозов, К.В. (2016). *Коценке риска в воплощении анонимной угрозы*. Полит. лингвистика, 3. <https://politlinguistica.ru/images/3-2016/12.pdf>.
- Ивлев, И.В. (1998). *Лексикографическое описание глаголов со значением лишения жизни в русском языке*: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Москва, 199 л.
- Издательский дом «Беларусь сегодня». <https://www.sb.by>.
- Каримова, Г.Т. (2011). *Прагматика глаголов разрушения и созидания в дискурсе медицинской рекламы*. Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. Т. 153, кн. 6, 212-218.
- Кокорина, Е.В. (1996). *Стилистический облик оппозиционной прессы. Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*: коллектив. моногр. / В.Л. Воронцова [и др.]; отв. ред. Е.А. Земская; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. Москва, 409-26.
- Копнина, Г.А. (2017). *Речевое манипулирование*: учеб. Пособие. 6-е изд., стер., Москва: Флинта : Наука, 169 с.
- Кулагина, Д.А. (2021). *Исследования вербальной репрезентации речевой агрессии*; Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 6, Языкоznание, 1, 92-96. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.01.05>.
- Маевский, В.М. (2022). *Имплицитная речевая агрессия в текстах современных британских СМИ*. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкоznание. Т. 21, 4, 111-22.
- Немов, Р.С. (2007). *Психологический словарь : более 11000 определений психол. терминов*. Москва : ВЛАДОС, 559 с.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>.
- Потапенко, Т.А. (1978). *Лексико-семантическая группа глаголов разрушительного воздействия на объект в современном русском*

- литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Потапенко., Москва, 208 л.
- Потапенко, Т.А. (1983). Лексико-семантическая характеристика глаголов с общим значением разрушительного воздействия на объект. Филол. науки., 2, 50-56.
- Рогова, Ю.В. (2021). Группы деструктивных номинаций в современном публицистическом дискурсе. Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т, 230-233.
- Рогова Ю.В. (2022). Сложные деструктивные конструкции на страницах «СБ. Беларусь сегодня». Образование и наука в XXI веке: ежегод. сб. науч. тр. БГПУ. Вып. 4, 79-81.
- Садовников, С.А. (2022). Приемы речевой агрессии как средство манипуляции в программе «Вести недели». Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 5, 163-67.
- Седов, К.Ф. (2003). Речевая агрессия в межличностном взаимодействии. Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. / Сарат. гос. ун-т; отв. ред. В.В. Дементьев. Саратов, 196-212.
- Сквородников, А.П. (1997). Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень. Краснояр. гос. ун-т, лаб. лингвокогиологии и речевой культуры. Красноярск; Ачинск: Краснояр. гос. ун-т, 2, 68 с.
- Старычонак, В.Д. (2022а). Семантычна прасторадзея словаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый): манаграфі. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 315 с.
- Старычонак, В.Д. (2022б) Субстантыўныя дэструктыўныя найменні ў беларускай мове. Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія, 3, 94-8.
- Суванова, Э.Х. (1985). Лексико-семантическая классификация непроизводных глаголов. Актуальные проблемы русского словообразования: сб. ст. / Ташкент. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 80-84.
- Усик, Е.Г. (2009). Прагматическая направленность метафорических средств в языке экономики (на материале подъязыка телевидения в ФРГ). Изв. Сарат. ун-та. Н. с. Сер.: Филология. Журналистика, 9, 24-27.
- Фаткуллина, Ф.Г. (2010). Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке. Вестн. РУДН. Рус. и иностр. яз. и метод. их препод., 3, 57-66.
- Фаткуллина, Ф.Г. (2002). Категория деструктивности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Уфа, 322 л.
- Фоменко, Ю.В. (1975). Класс глаголов «удара» в русском языке. Вопросы теории русского языка: сб. ст. / Новосиб. гос. пед. ин-т., 119, 23-26.
- Шпомер, Е.А. (2021). Проявление речевой агрессии в СМИ (на материале газеты «Комсомольская правда»); Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2, 77-83.
- Шульгина, К.В. (2021). Источники сведений о речевой ситуации оскорблений при решении экспертных задач. Филология и человек, 2, 88-96.
- Щербинина, Ю.В. (2008). Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. Изд. 2-е, Москва: ЛКИ, 360 с.
- Юрина, Е.; С.В. Доронина. (2021). Речевой акт угрозы в различных коммуникативных ситуациях. Юрислингвистика, 20, 19-23.
- Digita. (1999). *Dizionario Interattivo Garzanti Della Lingua Italiana* [Risorsa elettronica]. Milano: Garzanti Linguistica.

Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti. Treccani. <https://www.treccani.it>.

Il dizionario della lingua italiana De Mauro (2000). <https://dizionario.internazionale.it>

Zingarelli, N. (2007). Lo Zingarelli. *Vocabolario Della Lingua Italiana* [Risorsa elettronica]. Milano: Zanichelli.

